

Глава 5

Во дворе братья Мяо уже закончили собирать зерно и сложили его на открытом месте перед домом, дожидаясь, когда староста деревни Чжао всё взвесит. Сначала вынесли только что собранный арахис — почти пятьсот цзиней, очищенный от земли и аккуратно упакованный в пять больших мешков. Затем — остальное зерно: белый рис, сорго, бобы и просо, всё чистое, хорошего качества, каждого вида по несколько десятков цзиней. Это были запасы, которые семья Шэнь приберегла для себя к осеннему урожаю. В общей сложности вышло ровно семьсот цзиней.

Даже мешок белой муки, который старая госпожа Шэнь спрятала в шкафу, нашли и забрали. Она так расстроилась, что едва не завывала: «Это же был совсем маленький мешочек! Я берегла его, чтобы на Новый год пельмени сделать...»

Поскольку в семье Шэнь было много людей, им удавалось откладывать лишнее зерно. И всё же Мяо Син остался недоволен, придираясь к тому, что рис недостаточно белый, а мука — недостаточно тонкого помола. Единственное, что соответствовало его требованиям, был свежесобранный арахис. Он зачерпнул горсть и протянул её Мяо Ши и Шэнь Цину: «Вот арахис неплохой. Потом я отвезу его в город и обменяю на зерно. Четыреста-пятьсот цзиней арахиса можно выменять больше чем на тысячу цзиней смешанного зерна. Вам этого хватит больше чем на полгода».

Ни один крестьянин не оставлял себе весь арахис — в лучшем случае приберегали небольшую горстку, чтобы поджарить и угостить гостей на Новый год. Семья Шэнь и взялась выращивать арахис, культуру капризную и трудоёмкую, именно ради того, чтобы выгодно продать его. Они копили деньги на будущий выкуп за невесту для Шэнь Чжуана.

Мяо Син прикинул, что, если продать арахис в городе и обменять его на более дешёвое зерно — смешанную муку, сорго или просо, — запасов еды хватит почти на два года. В конце концов, сколько могут съесть всего двое? Крестьяне никогда не ели чистое зерно без меры: пищу всегда разбавляли овощами, дикорастущей зеленью, добавляли батат или картофель, чтобы сберечь запасы.

Подумав об этом, Мяо Син добавил: «Батат и картошку я не брал. Они не так насыщают, как зерно, да и мы сами их много выращиваем. Как соберём урожай — принесу вам мешок».

Эти культуры почти не требовали ухода, особенно батат, который можно было сажать даже на горных склонах. Ценности в них было немного, поэтому он, разумеется, собирался забрать лучшее: зерно.

Шэнь Цин поспешно поблагодарил дядю: «Не обязательно продавать весь арахис. Дядя, возьмите немного для Цяо Няна, Сяо Шаня и Сюэ Нян, пусть попробуют. Я сам его чистил, он свежий».

О старших родственниках он не упомянул, Цяо Нян и Сяо Шань были детьми Мяо Сина, а Сюэ Нян — младшей дочерью Мяо Вана. Все они были ещё совсем маленькими.

Шэнь Цин прекрасно понимал, что сегодняшняя удача — возможность вырваться из-под власти семьи Шэнь — целиком и полностью стала возможной благодаря поддержке двух дядей. Пусть у них были и собственные расчёты, но ради него и его матери они действительно постарались. Это были хорошие люди, и он искренне был им благодарен.

Мяо Син отмахнулся. Слова Шэнь Цина звучали приятно, и ему было лестно, но он не был

наивным. Сейчас Шэнь Цин и его мать находились в самом тяжёлом положении, для его семьи этот арахис был всего лишь угощением, а для них двоих — средством выживания.

«Они уже слишком взрослые для лакомств. Это вам двоим нужна эта еда. Не церемонься со мной. Если ты сможешь устроить стабильную жизнь и хорошо заботиться о матери, мне будет спокойно».

Как раз в этот момент со взвешивающими весами пришёл староста деревни Чжао. На глазах у толпы всю еду взвешивали по очереди, после чего мужчины из деревни Шицю уносили её и перевозили в дом у подножия горы.

Хотя семья Шэнь и считалась одной из зажиточных в деревне, теперь её обобрали дочиста. У них остались лишь батат, картофель, отруби да рисовая шелуха. Но плач и возмущения уже не имели никакого смысла — силой они бы не победили, да и староста был не полностью на их стороне. Семье Шэнь оставалось лишь молча кипеть от злобы, проклиная семью Мяо, Шэнь Цина и даже самого старосту Чжао, ни на миг не задумываясь о том, что виноватыми могли быть они сами.

Тем временем один известный в деревне болтун уже умчался сообщить обо всём семье охотника Лю.

Узнав, что кто-то хочет арендовать их старый дом, охотник Лю и его фулан пришли в неописуемую радость. Они вдвоём лично отправились помочь привести дом в порядок. Когда-то это было холостяцкое жилище охотника Лю, у подножия горы, рядом с тропой, ведущей в лес, что было крайне удобно для промысла. Но после женитьбы он стал опасаться, что дикие звери с гор могут спускаться вниз и пугать его фулана и детей, поэтому семья перебралась в деревню его фулана, Сяхэ.

За эти годы, продавая крупную дичь, охотник Лю накопил немного денег, купил землю и построил новый дом в Сяхэ. А старый дом в деревне Ланьтан с тех пор пустовал. Он находился слишком далеко от их нынешнего жилья, и даже использовать его как склад было неудобно. Теперь же его можно было сдать за пятьсот вэней в год. Деньги сами падали ему с неба. Фулан охотника Лю был так счастлив, что едва сдерживал себя, и супруги поспешили в Ланьтан.

Этот двор нельзя было назвать очень старым, но дом без жильцов быстро ветшает. Соломенная крыша начала подгнивать, и, когда Шэнь Цин с матерью пришли туда, охотник Лю и его фулан как раз несли свежие связки соломы.

Шэнь Цин много раз проходил мимо этого дома, поднимаясь в горы, и в каком-то смысле между ним и семьёй Лю словно существовала предопределённая связь. Однако внутрь двора он прежде никогда не заходил, так что сейчас впервые рассматривал всё вблизи. Поскольку дом стоял у задней части горы и сюда часто могли забрести дикие звери, стены двора были выстроены особенно высокими и крепкими, они были выше человеческого роста.

Сам двор был довольно просторным. Видимо, охотнику требовалось место для хранения инструментов и разделки добычи, поэтому часть пространства оставили свободной под дополнительные навесы. И передний, и задний дворы были широкими, в общей сложности занимая около половины му. Сзади находился вместительный подземный погреб, а сам дом состоял всего из трёх основных комнат. У входа стоял крытый соломой навес, где раньше привязывали скот.

Средняя комната была главным залом, а за перегородкой располагалась кухня. Восточная комната раньше была спальней охотника Лю, западная использовалась как кладовая. В

восточной уже стоял кан, а в главном зале — прочный деревянный стол и скамьи, но на этом обстановке почти и заканчивалась. Пустота делала дом особенно просторным.

Закончив чинить крышу, охотник Лю отправился за арендной платой к семье Шэнь, оставив фулана принимать Шэнь Цина и Мяо Ши. Охотник Лю был высоким и внушительным мужчиной, а годы охоты придали ему суровый, пропитанный кровью вид. Семья Шэнь ещё осмеливалась шуметь и спорить перед братьями Мяо и старостой деревни, но, увидев, как охотник Лю встал в дверях, словно каменная стена, они не решились вымолвить ни слова и с искажёнными лицами поспешно отдали деньги.

Тем временем фулан охотника Лю водил Шэнь Цина и Мяо Ши по дому, наводя порядок и одновременно говоря: «...До вашего прихода я попросил мужа проверить кан. Дымоход и каналы в порядке, так что через пару месяцев, когда похолодает, вы без проблем сможете им пользоваться. Крышу мы только что подлатали. Если заметите, что где-то что-то упустили, скажите, муж всё починит. Не стесняйтесь».

Хотя семья Лю теперь жила в соседней деревне, за короткое время до охотника Лю уже дошли все сплетни о семье Шэнь. Зная, что произошло, его фулан смотрел на Шэнь Цина и Мяо Ши с явным сочувствием.

«Если понадобится помощь, просто скажите. Мой муж целыми днями сидит дома без дела. Если решите остаться здесь и на следующий год, можно продлить аренду...» Он помедлил и уже тише добавил: «Но... э-э... не слишком надолго».

Шэнь Цин едва не рассмеялся, но в душе был больше тронут, чем развеселён. Перед ним был совершенно посторонний человек, с которым он никогда раньше не встречался, и всё же тот проявлял такую доброту — этого было более чем достаточно.

«Спасибо. Мы, скорее всего, останемся здесь и в следующем году. Я постараюсь вносить плату вовремя».

Услышав это, фулан охотника Лю широко улыбнулся, явно довольный таким раскладом. Пятьсот вэней в год. Шэнь Цин быстро прикинул в уме. Если усердно работать и перетерпеть трудности, он вполне сможет заработать эту сумму. Но в идеале хотелось бы накопить больше. С компенсацией, полученной от семьи Шэнь, он мог начать присматривать землю для покупки. Кирпичный дом был слишком дорогим, но глинобитный он смог бы построить сам. Свой дом куда надёжнее аренды.

Однако на накопления уйдёт больше года, так что пока им придётся снимать жильё. Пока он мысленно строил планы, Мяо Син и Мяо Ван закончили заносить вещи и как раз вышли из кладовой, услышав разговор Шэнь Цина с фуланом охотника Лю.

Мяо Син вмешался: «Гер Цин, какие у тебя дальнейшие планы? Судя по тому, как ты вёл себя в доме Шэнь, это было не сгоряча. Ты всё заранее обдумал».

«Я собираюсь заготовливать и продавать дрова, — без колебаний ответил Шэнь Цин. — Я уже пробовал продавать дрова в городе, немного заработал, просто семье об этом не говорил».

Перед тем как решиться уйти, Шэнь Цин тщательно всё взвесил и убедился, что они с матерью смогут выжить самостоятельно. Он опустил руку и нащупал топорик, всё ещё заткнутый за пояс. Семья Шэнь отказалась дать им землю и сельхозинвентарь, но никто не додумался отобрать у него топор, которым он их запугивал. Теперь он как раз ему пригодится.

«Значит, решил стать дровосеком», — прицокнул языком Мяо Син.

В деревне большинство людей не зарабатывали рубкой дров. Обычно после сбора урожая часть оставшейся соломы и стеблей шла в уплату налогов и на военные нужды, а остальное связывалось в прочный мешок дров, которого хватало для семьи на весь год. Если и этого не хватало, то, собирая дикорастущие овощи или кормя свиней, заодно подбирались сухие ветки и хворост.

В семьях, где было много детей, достаточно было отправить их собирать дрова — и этого запаса обычно хватало на год. Лишь те, у кого земли было совсем мало, или те, кто заранее готовился к зиме, уходили в горы рубить дрова.

А вот в городе всё было иначе. Там не было ни полей, ни гор, поэтому каждый пучок дров и каждый лист овощей приходилось покупать. И раз уж платили деньги, городские жители были придирчивы: дрова должны были быть нарублены ровно, одинаковой длины, а хорошая древесина, вроде фруктовых пород, ценилась ещё выше.

Шэнь Цин заметил это ещё тогда, когда возил рис на продажу. Он видел, как на торжище продают дрова, и внимательно за этим наблюдал. Позже, в менее загруженные сельскохозяйственные сезоны, он тайком уходил в горы рубить дрова и носил их в город. Поначалу опыта не хватало: поленья выходили неровными, плохо просушенными, а порой и вязанка была неполной. Купцы тоже пользовались этим, сбивая цену — ведь перед ними был всего лишь одинокий гер. Но после нескольких попыток он разобрался в расценках и набил руку. Теперь он был уверен в себе: полную вязанку дров он мог продать за сорок вэней, а пучок сухой травы — за двадцать. Обмануть его больше никто не мог.

Мяо Ши, расправив постель в восточной комнате, услышала разговор и окликнула их через окно: «Вот почему ты всё время бегал в горы?» В её голосе слышалась тревога.

«Я не всегда рубил дрова. Насколько это выгодно, я понял только в прошлом году, когда мы продавали осенний урожай», — признался Шэнь Цин. Раньше он и не думал об этом: в деревне дрова были бесплатными. Знай он это раньше и будь у него меньше работы в поле, он смог бы скопить не пару сотен вэней, а куда больше.

Звучало это как вполне хороший способ заработать. Так почему же Мяо Ши всё ещё волновалась? Почему Мяо Син цокал языком с тревогой? Потому что колка дров, хоть и приносила деньги, была делом крайне опасным.

Будь это лёгкий заработок, разве не все в деревне занялись бы им? Сельские люди не боялись тяжёлого труда и готовы были работать ради каждой монеты. Но рубка дров означала уходить глубоко в горы.

Деревья возле деревни считались общими, принадлежали всем хозяйствам. Их использовали для строительства домов и изготовления мебели. Срубить пару веток на дрова — ладно, но рубить и продавать их ради собственной выгоды? Это обязательно вызвало бы недовольство. К тому же деревья вблизи просто не хватило бы для ежедневной рубки.

И наконец, в горах, если подвернёшь ногу или поранишься, помощи ждать неоткуда.

Шэнь Цин увидел тревогу в их глазах и успокоил их: «Мама, дядя, не переживайте. Я знаю, что делаю. Я с детства хожу в горы. Даже когда я не рубил дрова, я собирал плоды и яйца. Я там всё знаю. Если бы я жил только объедками семьи Шэнь, давно бы умер с голоду».

Они ушли от семьи Шэнь, чтобы жить лучше, а не чтобы погибнуть в глуши.

После смерти Шэнь Чжана отношение Шэнь Чжигао к ним резко изменилось, и остальные члены семьи Шэнь последовали его примеру. Даже Шэнь Чжуан и Шэнь Сяоцзюнь осмеливались их задирать. Им доставались самые тяжёлые работы и самая плохая еда: рисовая похлёбка с таким малым количеством зёрен, что их можно было пересчитать на пальцах.

Когда Шэнь Цину было около одиннадцати-двенадцати лет, как раз в самый период роста, он постоянно голодал. Ему не оставалось ничего, кроме как бегать в горы в поисках пищи. Поначалу он ел всё, что находил: кислые дикие плоды, от которых ломило зубы, пастушью сумку и водяной сельдерей. Всё, что можно было сунуть в рот, он ел. Некоторые деревенские женщины из жалости тайком совали ему огурец со своего огорода или немного собранных диких ягод.

Но со временем, всё больше бывая в горах, Шэнь Цин расширил свой рацион. Он научился находить птичьи яйца и запекать их. Именно из-за одного случая с этими яйцами у него и появилась зловещая слава в деревне: несколько мальчишек попытались отобрать у него поджаренные яйца, которые он берёт для Мяо Ши. Разъярённый Шэнь Цин схватил деревянную палку толщиной с его предплечье и гнал за ними на протяжении двух ли.

С тех пор, если кто-то пытался его задирать или что-то отнять, он дрался так, будто на кону была его жизнь. А как говорится, смелый боится безрассудного, а безрассудный — того, кому нечего терять.

Шэнь Цин был настолько жесток в драке, что даже двое-трое мальчишек вместе не могли с ним справиться. Так и разошлась его дурная слава — не пустые слова, он действительно избивал их так, что они его боялись.

Но возле деревни ресурсов было немного. Другие мальчишки ходили в горы лишь чтобы стащить птичьи яйца на перекус, а Шэнь Цин полагался на них, чтобы не умереть с голоду. Этого всегда было недостаточно. Поэтому ему приходилось забираться всё глубже в горы.

«И за это мы во многом обязаны дяде Лю», — сказал Шэнь Цин, бросив взгляд на фулана охотника Лю.

<http://bllate.org/book/14994/1328280>